

УДК 821.161.1

Батурова Т.К.

Московский государственный областной университет

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ АЛЬМАНАХИ ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ
В ДУХОВНОМ АСПЕКТЕ**

T. Baturova

Moscow State Regional University

**PETERSBURG LITERARY MISCELLANIES OF PUSHKIN TIME
IN SPIRITUAL ASPECT**

Аннотация. В статье представлена литературная жизнь Петербурга пушкинского времени, выявлена специфика петербургских альманахов в сравнении с московскими изданиями. Приведены оценки петербургских альманахов литературной критикой 1820-1830-х гг. Определена особая роль А.С. Пушкина и его друзей в подготовке петербургских альманашных изданий; обозначено духовное начало, объединившее писателей пушкинского круга. В результате углубляются представления о духовных исканиях литераторов пушкинской эпохи, о своеобразии литературной жизни той поры.

Ключевые слова: альманахи, культура, духовность, религиозность, творчество, поэзия.

Abstract. The literary life of Petersburg of Pushkin time is presented in the article, the specifics of the Petersburg literary miscellanies are revealed in comparison with Moscow editions. The article also shows the reviews of the miscellanies by literary criticism of 1820-1830s. The author defines a special role of A. Pushkin and his friends in preparation of Petersburg editions, and emphasizes the spiritual beginning which united the writers of the Pushkin circle. As a result, the article allows to deepen the understanding of spiritual pursuits of writers of a Pushkin's era and the peculiarities of literary life at that time.

Key words: literary miscellanies, culture, spirituality, religiousness, work, poetry.

Культурная жизнь Петербурга в пушкинскую эпоху была разнообразной и богатой. Город не только активно украшался, благоустраивался, напряженно проходила и его внутренняя жизнь. С одной стороны, в Петербурге расцветала официальная культура, с другой – здесь шла серьезная духовная работа, и выражалась она в разных формах – издательском деле, образовании, искусстве ... В современном исследовании о русской культуре XIX века читаем: «Петербург воспринимался как искусственное образование, занимавшее окраинное положение, как город, не имевший ни корней, ни связей с русской жизнью» [10, с. 74-75]. Тем не менее, в этом бюрократическом городе расцветали лучшие русские таланты.

Петербург явился родиной русских альманахов: здесь в конце 1822 года вышел первый выпуск «Полярной звезды» А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева, открывший «альманашный период» русской литературы. И в течение десяти лет столица задавала тон в издании альманахов. Её первенство в альманашном деле признавалось даже московскими критиками. Так, «Телескоп» Н.И. Надеждина, хотя в скрытой форме, но сопоставлял московские и петербургские альманахи и отдавал явное предпочтение последним. В его рецензии на лучшие московские альманахи 1831 года – «Сиротку» и «Денницу» – отмечалось: «Вот и московская оброчная дань альманахов текущему году! Старуха никогда не была торовата на эти безделки. Она

справляла их всегда, как заведённый обычай, в коем не хотела отставать от Петербурга, но без всякого живого, сердечного участия. И на нынешний год в ее альманачных приношениях не примечается ни излишней щедрости, ни излишней роскоши. Она держится во всём святой русской старины: попрочнее да подешевле!...» [13, с. 574]. Конечно, эта оценка несколько субъективна и не вполне справедлива: «сердечное участие» как раз и характеризовало московские альманахи. И все же очевидно предпочтение критикой петербургских альманашных изданий.

Помимо «Полярной звезды», декабристского альманаха, все три выпуска которого были восторженно приняты читателями, в Петербурге выходили «Майский листок» М.А. Бестужева-Рюмина, представленный как весенний подарок любителям русской поэзии; «Невский альманах» Е.В. Аладьина – самое долговечное издание, печатавшееся в течение девяти лет, но так и не приобретшее определённого литературного направления; один из лучших театральных альманахов «Русская Талия» Ф.В. Булгарина, прославившийся публикацией сцен из «Горя от ума»; «Сириус» М.А. Бестужева-Рюмина; «Календарь муз» А.Е. Измайлова; «Астраханская флора» Н. Розенмейера; «Альбом северных муз» А.И. Ивановского; «Драматический альбом для любителей и любительниц театра» А.В. Иванова; «Памятник отечественных муз» Б.М. Федорова; «Полевые цветы» И. Чернова и А. Сергеева; «Букет», театральный альманах Е.В. Аладьина; «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1829 год» В.Н. Олина; «Северная звезда»

М.А. Бестужева-Рюмина; «Царское село» Н.М. Коншина и Е.Ф. Розена; «Гинекион» Д.П. Ознобишина; «Альциона» Е.Ф. Розена; «Комета Бель» В.Н. Семёнова; «Новоселье» А.Ф. Смирдина, куда вошли литературные приношения лучших русских авторов, обеспечившие альманаху огромный успех; пародийные альманахи анонимных издателей – «Чертополох» и «Литературный репейник», осмеивавшие шаблонные содержание и фор-

му некоторых литературных изданий; «Моё новоселье» В.К. Крыловского, явившееся уже на закате «альманачного периода» и строго оценённое Н.В. Гоголем. В большинстве из них печатались произведения Пушкина и литераторов его круга. Но среди петербургских альманахов были и особенно близкие Пушкину и его друзьям. Это, прежде всего, «Северные цветы» и «Подснежник», душой и вдохновителем которых явился А.А. Дельвиг. Современники сразу отметили внутреннюю близость этих изданий и их исключительную роль в литературном процессе. Так, «Московский телеграф» писал: «Общее мнение признало “Северные цветы” лучшим по содержанию русским альманахом. “Подснежник” идёт к нему под пару, и его появление порадовало нас потому, что оно показывает богатство нашей поэзии» [11, с. 144]. Хотя второй выпуск «Подснежника» был издан не Дельвигом, а Аладьиным, которому Дельвиг передал «альманашные излишки», но и этот том продолжал направленность альманахов пушкинского круга.

Что же определило богатство русской поэзии пушкинского времени и повлияло на характер альманахов, наиболее близких Пушкину и его друзьям? Какое начало было главенствующим в мировосприятии и творчестве этих литераторов? Что объединило их?

В основе глубокого литературного единства, как и всякого подлинного единства, лежит вера. В Писании сказано: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4, 32). Эта мысль о всеединстве и целостности, составляющих суть христианского мировосприятия, получила развитие в новейших работах. В одной из них читаем: «<...> русское любомудрие вплоть до XVIII века (отчасти и далее) неразрывно связано с богомыслием, то есть молчаливым памятованием о Целом, Едином, к чему необходимо должна стремиться мысль – да и вся земная жизнь – верующего человека. И богомыслие это, конечно же, выражалось не столько на

понятийно-рассудочном уровне, столь милым сердцу Запада, сколько на уровне живого общения с Предвечным – в форме непрестанной Иисусовой молитвы, житийных переживаний, церковной гимнографии или иконописи (“умозрение в красках”), и – уже в новейшее время – в наивысших духовных всплесках классической литературы XIX века» [5, с. 7].

Духовное единство – основное, что связывало литераторов пушкинского круга, хотя и были они людьми разными по характеру, темпераменту, интересам, таланту. Но об этом единстве, к сожалению, мало пишут исследователи литературы. А ведь еще Н.В. Гоголь интуитивно почувствовал и точно выразил самую суть связей Пушкина и близких ему авторов, он писал: «Что же касается до Пушкина, то он был для всех поэтов, ему современных, точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты. Вокруг него вдруг образовалось их целое созвездие <...>» [3, с. 385]. Недостаточно процитировать слова Гоголя, это не просто красивая фраза: в ней скрыт глубокий православный смысл. Гоголь один из первых увидел небесный характер пушкинского творчества, постиг духовную связь Пушкина с его современниками, которые, как свечи, зажглись от созидательного огня великого поэта.

П.А. Вяземский тоже отмечал «семейное, общее выражение» у всех поэтов пушкинского круга и сосредоточивал внимание на внутренней близости лириков 1820–1830-х годов друг другу, на их духовной связи с Пушкиным. И в начале XX века С.Н. Бриловский, один из первых исследователей литературы пушкинского времени, говорил о «литературном сыновстве» поэтов по отношению к Пушкину [1, с. 405]. Но позднее в центре внимания учёных оказалась социальная общность Пушкина и писателей его круга. Так, М.И. Гиллельсон, изучавший истоки, возникновение и функционирование ближайших к Пушкину литературных содружеств, определял историко-литератур-

ное содержание термина «пушкинский круг писателей», стремясь «в должной мере оценить значение литературно-общественной деятельности этого круга писателей». Исследователь заключил, что «понятие “писатели пушкинского круга” представляет собой прежде всего социальную дефиницию», и пояснил свою мысль: «Близость общественных взглядов является той демаркационной линией, которая отделяет писателей пушкинского круга от иных литературных группировок, направлений, течений. Неприятие буржуазно-демократических идей и оппозиция апологетам монархической власти – таковы общественные отталкивания этой литературно-общественной группировки. Общность социальной позиции позволяет нам установить историческую реальность, признать неоспоримым фактом существование пушкинского круга писателей» [2, с. 23].

Социальность подхода к оценке деятельности литераторов пушкинского круга проявилась и при рассмотрении их периодических изданий, в том числе альманахов. Именно «социальные симпатии», по мнению М.И. Гиллельсона, объединили участников «Северных цветов», а сам альманах был охарактеризован как повлиявший на процесс становления общественного сознания литераторов пушкинского круга. Такой взгляд на альманашные издания формировался постепенно и не был случаен. Долгое время исследователи касались, как правило, широкой общественной, литературной, эстетической борьбы, которая велась на страницах альманахов. Создавалось впечатление, что альманахи, наряду с журналами, газетами, рождались лишь с целью борьбы, а объединение вокруг них творческих сил происходило на почве противостояния литературных групп. Позитивное начало отходило куда-то в сторону. В действительности же альманахи в значительной степени были выразителями внутренней культуры русского общества. Говоря о духовном содержании пушкинской эпохи, пройти мимо них просто невозможно. Духовность общества реализуется в раз-

ных формах, альманашные издания – одна из этих форм. В них проявились нравственные искания ведущих и второстепенных авторов, а в конечном итоге – народа, нации.

При изучении альманахов особенно важно осмыслить содержание издания: оно раскрывает глубинные переживания личности, позволяет постичь духовные искания эпохи. Проникновение в конкретный художественный текст – серьезная исследовательская задача. В.С. Непомнящий высказал точное замечание о том, что часто в науке суждения о литературном произведении базируются по преимуществу на окружающих текст обстоятельствах, а самый текст остается в стороне, служит лишь поводом для абстрактных суждений о нём, и призвал исследователей «заглянуть в текст» [9, с. 248]. Действительно, текст – живое слово писателя, выражение его души, познать которую можно только с опорой на художественное слово. Е.А. Боратынский в последнем своём сборнике, заглядывая в будущее и представляя себе читателя-потомка, мечтал: «Как знать: душа его / Окажется с душой моей в сношеньях...». Одновременно «Телескоп» Н.И. Надеждина проводил ту же мысль, когда писал: «<...> душа изящных созданий, – душа нежная, музыкальная, которая трепещет в звуках и дышит в красках, – неуловима для разума. Понять её может только другая душа, ею проникнутая» [15, с. 234]. Это сношение душ и происходит при погружении в художественный текст. Потому постичь духовный уровень эпохи можно только при бережном отношении к слову. Оно хранит в себе живую связь с христианскими ценностями, это – главное его наполнение. В.А. Котельников верно отметил, что рожденное в душе автора «литературное слово, преодолевая свою тварную ограниченность, стремится к Слову-Логосу, несёт на себе отблеск его света» [6, с. 6]. В связи с такой постановкой вопроса особое значение приобретают христианское мирозерцание в русской классической литературе, формы его отражения в поэзии и прозе. Пушкин и его окружение играют здесь исключи-

тельно важную роль. Тем не менее, С.Л. Франк писал о пренебрежительном и равнодушном отношении исследователей к духовному содержанию поэзии и мыслей Пушкина и считал изучение его религиозного сознания задачей «величайшей важности», отразившей русское национальное самосознание, так как «гений поэта есть всегда самое яркое и показательное выражение народной души в её субстанциальной первооснове» [16, с. 380].

Ситуация значительно изменилась в последнее время: о религиозно-нравственном наполнении пушкинского творчества сейчас немало пишут и говорят, хотя целостной картины так и не сложилось, да вряд ли она и возможна. При этом необходимо иметь в виду, что нельзя требовать от поэзии прямого религиозного содержания. У неё своя эстетическая сущность, в которой отражается душа поэта. Особенности души и определяются своеобразие творчества, сила таланта. В.С. Соловьёв писал в связи с этим о Пушкине, что у него «была просто живая, открытая, необыкновенно восприимчивая и отзывчивая ко всему душа – и больше ничего». Основной особенностью пушкинской поэзии критик-философ считал «её свободу от всякой претензии». Он видел «в радужной поэзии Пушкина <...> все цвета» и считал натяжкой стремление окрасить её в один цвет [12, 226, 227]. Задолго до В.С. Соловьёва В.А. Жуковский поднял ту же самую проблему и осветил её глубоко и всесторонне. Размышляя о назначении поэта, об отражении в творчестве его религиозных воззрений, он заключал: «Что же, спросят, неужели поэт должен ограничиться одними гимнами Богу и всякое другое поэтическое создание считать за грех против Божества и человечества? Ответ простой: не произноси имени Бога, но знай Его, верь Ему, иди к Нему, веди к Нему, – тогда, что бы ни встретилось на пути твоём откровенному оку и что бы ни было это встреченное – высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, многозначашее или легкое, забавное или мрачное, – всё оно, прошед через твою душу, приобретает её характер, не

изменив в то же время и собственного» [4, с. 183]. И здесь на первом плане душа поэта, её Божественное наполнение.

Если религиозность Пушкина и её соотношение с творчеством поэта, до сих пор вызывающие раздумья и споры, всё же освещены исследователями литературы и философами, то о духовных исканиях пушкинского литературного окружения, о духовном содержании эпохи 1820-1830-х годов известно значительно меньше. По свидетельству современника, представленному на страницах «Телескопа», пушкинская эпоха не отличалась «особенным пристрастием к сочинениям, коих цель и достоинство состоит в душеспасительной назидательности» [14, с. 542], и всё же слово истины стремилось пробить себе дорогу, что воспринималось как важнейшее проявление литературной и философской мысли. «Телескоп» убедительно писал об этом: «Слово жизни, возвещаемое религиею, должно принимать все формы, дабы всюду прививаться свободно и беспрепятственно; должно обнажаться со всех сторон, прелгаться на все тоны, выражаться всеми языками, дабы сделаться для всех внятными и вразумительными; должно быть, по апостольскому выражению, *всем вся, да вся приобретает*» [14, с. 543]. Напряжённые поиски истины принципиально отличали пушкинскую эпоху от «рокового осмнадцатого столетия», философия которого названа в журнале Н.И. Надеждина «школою неверия», «коей Ферней был средоточием». Противопоставляя друг другу философские устремления XVIII и первой трети XIX века, «Телескоп» заключал: «<...> к чести нашего века должно сознаться, что бессмысленное и дерзкое кощунство, бывшее единственным оружием сей школы, тогда столь могущественной и ужасной, ныне совершенно притупилось. Глумление *Вольтера*, тешившее некогда легкомысленную суетность и отозвавшееся было во всех концах вселенной адским хохотом, теперь возбуждает одно жалкое презрение» [14, с. 543-544].

Ещё раньше другой журнал пушкинского времени – «Московский вестник» М.П. Пого-

дина, – приветствуя второе издание «Жизни Святого Апостола Павла», заявлял о необходимости в России новых религиозных сочинений – полной русской церковной истории, труда об утверждении христианской веры, описания религиозных праздников, переводов Святых отцов – и с сожалением констатировал отставание русской богословской литературы от «прочих наших бедных литератур» [8, с. 405]. Обращение светских писателей, в частности Ф.Н. Глинки, к высоким религиозным предметам «Московский вестник» считал делом чести художника и противопоставлял его «красивому описанию безделья», широко распространившемуся в русской поэзии: «Несколько лет уже русская муза расхаживает по комнатам и рассказывает о домашних мелочах, не поднимаясь от земли к небу, истинному своему жилищу! Сами читатели так привыкли к модным игрушкам, что стихотворец, который решается подняться несколько выше, находится в опасности или показаться скучным, или даже быть непонятным. А журналисты побоятся об нём и напомнить, потому что они сами, вместо того, чтобы направлять мнение публики, не смеют отстать от неё, находят для себя выгодным потакать её поверхностным суждениям, лстить моде и повторять только то, что услышат!» [7, с. 330].

На этом фоне альманахи 1820-1830-х годов явились выразителями высоких истин, потому и помогают приоткрыть завесу над сокровенными проблемами пушкинского времени. Конечно, они не были религиозными изданиями. В их маленьких томиках представлена литературная жизнь эпохи во всей многогранности и пестроты. Произведения религиозно-нравственной тематики, хотя и весьма многочисленные, разнообразные, представляют лишь одну сферу творчества участников альманахов, но эта сфера столь значима, что требует особого изучения. В.А. Котельников тонко подметил две области литературы, два состояния художника – «область *игры*» и «область *абсолютно серьёзного*». Серьёзное начало в литературе «ориентировано на высшие абсолютные ценности и оста-

ётся таковым, соседствуя с игрой, с обыденно-необходимым». Игра образов, представлений, поэтических форм, слов, звуков, ритмов, этических положений определяется творческой активностью человека и необходима для проявления «свободы человека телесного и человека душевного по преимуществу». Но есть еще и «человек духовный»: «он поднимается над телесно-душевной сферой, чтобы выявить и осуществить свои сверхприродные и сверхисторические возможности». «Духовного человека» захватывает состояние встревоженности: он вопрошает бытие о безусловных его основаниях, о последних смыслах, он вопрошает о конечных судьбах человека за порогом видимого мира». Начинается великое таинство богообщения: «На горных высотах духа уже нет места игре – там все абсолютно серьезно» [6, с. 6-7].

Петербургские альманахи пушкинского круга и представляют эти две области литературы; в них очевиден шаг, который делают Пушкин и его друзья от чувственного и умственного постижения жизни, от игры форм к духовному познанию жизни, к Источнику негасимого света.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Браиловский С.Н. К вопросу о пушкинской плеяде // Русский филологический вестник. – Варшава, 1908, №4. – С. 391–420.
2. Гиллельсон М.И. Пушкинская литературно-общественная среда (1810 - 1830-е годы): Автореф. дис. ... д. филол. наук. – Л., 1981. – 50 с.
3. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – Т. 8. – М.-Л., 1952. – 816 с.
4. Жуковский В.А. О поэте и современном его значении // В.А. Жуковский-критик. – М., 1985. – С.176–188.
5. Кабанков Ю. Слово о православии как причине единственно возможной живой целостности мира видимого // Десятина. – 1998, №5 (8).
6. Котельников В.А. О христианских мотивах у русских поэтов. Статья первая // Литература в школе. – 1994, №1. – С. 6–13.
7. Московский вестник. 1827, ч. 1, № 4.
8. Московский вестник. 1828, ч. 9, № 12.
9. Непомнящий В.С. Дар: Заметки о духовной биографии Пушкина // Новый мир. – 1989, № 6. – С.241–260.
10. Очерки русской культуры XIX века. – Т. 1. – М., 1998. – 384 с.
11. Соловьев В.С. Смирнов–Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв. М., 1965. – 592 с.
12. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Его же. Литературная критика. М., 1990. – С. 223–273.
13. Телескоп. 1831, ч. 1, № 4.
14. Телескоп. 1831, ч. 2, № 8.
15. Телескоп. 1834, ч. 19, № 4.
16. Франк С.Л. Религиозность Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX в. – М., 1990. – С. 380–396.